

Волжский вестник. Казань,
1894. 15 октября. № 260.

С. 1.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Въ усадьбѣ — новый раз- сказъ А. Чехова.

(Критическія замѣтки).

Въ 237 номерѣ *Русскихъ Вѣдомостей* появился новый рассказъ А. Чехова, заглавіе котораго вѣнчано выше. Послѣ въкотораго перерыва въ беллетристической дѣятельности Чеховъ, надо полагать, вновь обратился къ ней, какъ къ области наиболее родной его таланту. Читателю остается только радоваться этому. Какъ бы ни были, положимъ, достойны произведенія его, какъ публициста и путешественника, очерки Чехова всегда будутъ болѣе дѣльны, какъ трудъ творческій и индивидуальны, который нѣтъ ни у кого, прочіи же автора, пополненъ быть не могутъ.

Къ тому же на этотъ разъ рассказъ Чехова, кромѣ обычной жизненности выводныхъ идей, отличается особой современностью.

Такъ какъ рассказъ этотъ въ настоящее время никому, кромѣ подписчиковъ *Русскихъ Вѣдомостей* и ихъ случайныхъ читателей, по всей вѣроятности, неизвѣстенъ, то мы кратко познанимъ себѣ передать его содержаніе, насколько это необходимо для уясненія общественнаго значенія очерка.

Съ обычной художественностью хорошо, вѣроятно, знакомой читателямъ, Чеховъ описываетъ въ лицѣ Павла Ильича Рашевича типъ землевладѣльца-помѣщика въ своей усадьбѣ. Дѣла его, конечно, очень плохи: «проценты въ банкъ не внесены уже за 2 срока, и разныя недоимки и пеней скопилось болѣе двухъ тысячъ». Нехорошо поэтому живетъ въ усадьбѣ. Скоро зима, а тутъ нѣтъ дровъ, надо жить, ѣсть, а денегъ не выѣтся. Сверхъ всего этого у Павла Ильича двѣ изгнанныя дочери — Илона и Ирада, 24 и 22

лѣтъ (вы понимаете?), которыхъ необходимо, какъ можно скорѣе, пристроить замужъ. Павелъ Ильичъ и самъ понимаетъ, какъ не красна ихъ жизнь въ усадьбѣ, особенно если принять въ разсчетъ, что знакомые и сосѣди чуждаются и не любятъ Рашевича за его разгворчивость. Рассказывали, — конечно по злобѣ, — что онъ, Рашевичъ, разговаривалъ уморилъ свою жену. «Жаба» — вотъ подъ какими именами извѣстенъ былъ всѣмъ, кромѣ своей семьи, самъ Рашевичъ.

Но впрочемъ начала рассказа положеніе въ усадьбѣ вѣсело улучшилось: къ Рашевичу стали часто вѣзжать гости судебный слѣдователь Мейеръ, человекъ толстой, немолодой, вполнѣ порядочный и совершенно чуждый истинному обществу. Только у Рашевичей было ему хорошо, уютно, какъ въ своей семьѣ, и особенно въ присутствіи милыхъ, очень симпатичныхъ Мейеру барышень Рашевичей. Онъ это замѣчалъ и очень радъ были его присутствію. Въ такіе отцы уже понимали о бракѣ одной изъ нихъ съ Мейеромъ, и былъ въ восторгѣ отъ этой мысли. Главное, можно будетъ сдать на его влѣкъ всѣ эти неприятныя хлопоты по имѣнію...

Кромѣ этого, Мейеръ человекъ просвѣщенный, умный, предъ которымъ стояло развѣрнуть ораторскій талантъ, бывшій природнымъ даромъ Рашевича. Онъ и поступалъ такъ. Лишь только явился Мейеръ, Павелъ Ильичъ бралъ его подъ свое покровительство и ни на минуту не отпускалъ отъ себя. Какимъ только теоріямъ не развивалъ онъ предъ Мейеромъ. Онъ говорилъ о юности, объ уваженіи нравственности въ современномъ обществѣ, о наукѣ, о дарвинизмѣ, — о чинахъ, о страхованіи людей, о лѣрахъ поднять помѣщичью земледѣліе и о томъ, какъ повысить цѣну на хлѣбъ. Будучи человекомъ потчальнымъ, Мейеръ все это терпѣливо выслушивалъ, съ неудовольствіемъ барышень, которыя предпочли бы сами поговорить съ нимъ.

Однажды Павелъ Ильичъ былъ въ особомъ удѣлѣ, и повелъ рѣчь о дворянствѣ и зам-

ствѣ, начитавшись, вѣроятно, къ бѣдѣ своей, статей *Григорьевича*.

Когда писалъ объ «чужахъ» Щедринъ, всѣмъ былъ ясенъ и понятенъ страхъ его предъ тѣмъ, что онъ окрестилъ по эзоповской терминологіи этихъ именемъ. «Чужаки» это грубая кулацкая эксплуатація, ничего не созидательная, ничего не требующая, все разоряющая и все высасывающая. Рѣчь таинствъ образны шла не о кастѣ, не о сословіи, — а объ извѣстномъ видѣ промышленной дѣятельности, у насъ называемой. Теперь, на почвѣ теоретическіхъ и зрѣлѣй *Григорьевича*, рѣчь о «чужахъ» ведется въ смыслѣ касты.

Въ духѣ *Григорьевича* заговорилъ о дворянствѣ и Рашевичъ. Много говорилъ онъ, затрагивая много разныхъ животрепещущихъ вопросовъ, пока не подали ужина. Барышни ожили, ожидали, что теперь отецъ отпуститъ гостя поговорить съ ними.

Но тутъ то было. Потокъ краснорѣчія становился частъ отъ часу все сильнѣе... Дѣтвцы увидѣли, что ужинъ пропасть.

Послѣ ужина онъ раскрыли роуль, поставили и зажгли свѣчи, приготовили поты, надеясь, что быть можетъ теперь отецъ позаботится хоть немного о нихъ. Но эгоистъ отецъ забылъ о дочеряхъ, продолжалъ сыпать перлы своего краснорѣчія, на изученіе слушателя и дочерей. Наконецъ, Рашевичъ такъ возмущенъ, что началъ браниться.

«Недобно тому, говорилъ онъ — какъ западные рыцари отразили нападеніе монголовъ, такъ и мы, пока еще не поздно, должны слѣпиться и ударить дружно на нашего врага. Пусть я явлюсь передъ чужаками не какъ Павелъ Ильичъ, а какъ грозный и сильный Ричардъ Львиное Сердце. Перестанемъ же деликатничать съ ними, довольно! Давайте имъ всѣмъ договоримся, что если близко подойдетъ къ намъ чужаки, какъ мы бросимъ ему прино въ жаръ слова пренебреженія: «руки прочь! сверчокъ, твой свой песточекъ! Право въ жаръ! — продолжалъ Рашевичъ съ восторгомъ, тыча впередъ себя согнутымъ пальцемъ. — Въ жаръ! Въ жаръ!

— Я не могу этого, — приговорилъ Мейеръ, отворачиваясь.

— Почему же? — живо спросилъ Рашевичъ, почувствувавъ интересный и продолжительный споръ.

Волжский вестник

1894. 15 октября. № 260.

С. 1.

Почему же?

Потому, что и самъ ищущийъ. Сказавши это, Мейеръ покраснѣлъ, и даже шемъ и негладулся, и даже слезы заблестѣли на глазахъ.

Мой отецъ былъ простымъ рабочимъ, — дѣла въ онъ грубымъ, отрывистымъ голосомъ, но я въ это не вижу ничего дурного.

Ищущийъ стражъ о смугляхъ и ошеломленный, точъ по обвиненію на ищѣхъ преступленія растерянно свѣдѣлъ на Мейера и не зналъ, что сказать. Жени и жандъ покраснѣли и нагнулись къ ротамъ, и въ бы стыдно за своего безтактнаго отца. Минута прила въ молчаніи, и стало невыносимо совѣстно, какъ вдругъ, какъ то бездѣленно, матиуто и не-костъ прозвучали въ воздухѣ слова:

— Да я ищущийъ и горжусь этимъ.

Тѣмъ Мейеръ, неловко свѣтлалась о небелъ, про-стѣя и быстро пошла въ переднюю, тотъ еще не нивала лошадей.

— А какъ будетъ сегодня темненько вѣать, — бор-нѣлъ Рашевичъ, идя на нѣтъ. — Луна теперь под-выходитъ.

За столики на крыльцѣ въ потемкахъ и ждѣтъ, на подбѣгѣ лошадей. Было прохладно.

Завѣда упала, — проговорилъ Мейеръ, кутаясь пальто.

Въ августѣ нѣтъ много падаетъ.

Отецъ подалъ лошадей, Рашевичъ поглядѣлъ ни-мально на небо и сказалъ со вздохомъ:

— Явление, достойное пера Фламмариона.

Какъ прекратилось послѣднее знакомство невечей, а вѣкъ съ тѣмъ исчезла и на-да баричень на счастье.

На другой день, обдумывая у себя въ ка-ютѣ случившуюся неприятность, Рашевичъ ишалъ, шипящій, негодующій голосъ Жени: — Жабъ!

— Жабъ! повторила, какъ эхо, младшая. Это звѣще установилось теперь за нѣтъ и въ-ѣтъ. Вотъ и вся фабула разсказа «Въ дыбѣ».

Психологическая особенность Рашевичей со-итъ въ томъ, что будучи сами по себѣ дѣли далеко не дурными, а порою даже оловенными блаженъ настрѣнѣи, они бра-си, кричать и критикуютъ не въ силу ка-къ либо прочно възлѣтѣвшихъ идеаловъ в-лядовъ — а только потому, что нѣтъ дурно, на запущены, состояніе разстроено. Раше-и начиналъ говорить мягко, ласково, съ рыни настрѣнѣи, называя себя:

Старымъ студентомъ, идеалистомъ. Донъ Ки-

тотъ, но незашѣло для самого себя шало по-шалу переходилъ на брань и клевету и. что удивительнѣе всего, самыя неформальныя образцы критиковалъ на-уку, искусства и нравы, хотя вотъ уже двадцать лѣтъ прошло, какъ не прочелъ онъ ни одной книж-ки, не былъ нигдѣ дальше губернскаго города и въ сущности не знаетъ, что происходитъ на бѣломъ свѣ-тѣ. Если же онъ садился писать что-нибудь, хотя бы похвальное письмо, то и въ письмѣ выходила брань. И все это странно, потому что на самомъ дѣ-лѣ онъ чувствительный, сдѣланный человѣкъ.

Онъ много слышалъ, спорилъ и говорилъ о гласности, общественной инициативѣ и самодѣ-ятельности, о реализмѣ, о плодотворности и многопольности стѣвооборотѣ, и о другихъ «матеріалъ важныя», кое-что зналъ, пожа-луй, о нѣтъ, но лично не испытывалъ отъ нѣтъ никакой пользы. Въ действительности, онъ, эти прогрессивныя вѣнныя, ему, Рашевичу, вовсе не нужны, онъ бы отлично и безъ нѣтъ обошелся, — были бы дѣла хороши. Вотъ, гдѣ дружина всей жизни Рашевича! Онъ человѣкъ воспитанный, культурный, привыкъ къ ком-форту вѣтшнему и душевному; росъ онъ въ нѣтъ и довольствѣ, — онъ то ему только и до-роги искренно, кровно, необходимо. Безъ нѣтъ онъ какъ на нелѣ. Можъ тѣмъ въ раз-говоры, споры и чтеніе объ идеалахъ не при-несли ему удовольствія. Напротивъ, дѣла егѣ приходять все въ большее разстройство. Сара-шиваемся, за что же? Онъ старый студентъ, идеалистъ, Донъ-Кихотъ — и гибнетъ; а какой нибудь чужащій превѣщаетъ тутъ же рядомъ. Конечно, Рашевичи не хотѣтъ думать о томъ, что въ действительности они очень плохіе ра-ботники, не знаютъ своего дѣла, не хотѣтъ ни о чемъ пристально позаботиться, а только говорить, говорить и говорить, — но, вѣдь, пріятно ли и думать о подобныя вещахъ? Не лучше ли этого чужаго просто «въ харю и въ харю»? Это, кажется, нѣтъ един-ственнымъ способомъ поправить свои дѣла. Такимъ образомъ, и выходитъ, что старый идеалистъ начинаеть говорить съ блаженъ на-стрѣнѣи объ идеалахъ, а контактъ призва-новъ къ зуботычнѣи и полузабытой у насъ розгѣ. Чтобы придти къ этому сла-вному выводу Рашевичъ не стѣсняется

клеветать на науку, котърой чуть-чуть понималъ, на виношество, котораго сѣ-сѣи не знаетъ, и на народъ, о которомъ не нѣтъ нѣтъ нѣтъ. Въ эти разговоры какъ будто только слышаны назви, какъ будто отголосокъ нѣтъ звучитъ еще въ ушахъ. Съ другой стороны, передѣлайте нѣтъ форму — получите передовицу *Гражданина* съ обяза-тельными приглашеніемъ читателя къ куль-тивированію у насъ палки. Были и прежде у насъ идеалисты, которые только го-ворили и говорили: часто и короче люди, начиная во здравіе, кончали бранью и раз-раженіемъ. Но, чтобы человѣкъ начиналъ кле-ветать на науку и приглашать къ зуботыч-камъ не въ силу казвѣтъ-нѣтъ серьезныхъ и искреннихъ побужденій, а только потому, что ему худо, хочется позабыться и блеснуть кра-спорѣнѣемъ, а также, быть можеть, крикомъ своимъ, безъ труда получить что нибудъ въ бѣдность — это стало обычнымъ явленіемъ толь-ко теперь. Кого не бранить у насъ? Только позончили съ однимъ врагомъ, изругали и заставляли его вслѣдствіи, — глядишь, объявился новый. Кое какъ угомонять его, смотришь, а дѣло отъ этого нѣтъ только не подгнулось впередъ. Такъ именно кончается и Рашевичъ. Всѣ его крики, возгласы привели лишь къ то-му, что сосѣди и знакомые нащипають сторо-нитъ и ненавидѣть его, и даже семейные принуждены сознаться, что онъ не болѣе, какъ «жаба», скучная и эгоистичная.

Вотъ и прислушайтесь къ голосу подоб-ныхъ господъ...

И В. Новиковъ.